РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.74.9

РУССКО-ИНДИЙСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ КОДЫ ПРОЧТЕНИЯ ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»

Научная статья

Кумар А.[1, *]
[1] ORCID : 0009-0001-5211-8858;
[1] Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, Самара, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (anuragkmonu[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается, как в повести отразилось преодоление Л.Н. Толстым духовного кризиса, которое мировоззренчески и благодатно оформилось в «религиозном синкретизме», а духовно-художественно — в изображении экзистенциальной «пороговой» ситуации смерти не как социально-ритуализированного события, а как события освобождения: преображения сознания в процессе усмирения страха смерти и страдания. И именно в свете синтеза христианского понимания смерти, индуистского и буддийского учений о дуккхе (страдании) и мокше (освобождении) раскрывается в повести пасхальный характер разрешения «тридневия» героя, и оказывается, что и для Толстого, и для индийской традиции страдание и смерть не есть отклонение от жизни, а «врата», ведущие к её преображению и спасению — даже в «последнем вздохе».

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, страдание, смерть, христианство, индуизм, буддизм, преображение, освобождение.

RUSSIAN-INDIAN RELIGIOUS CODES FOR READING L.N. TOLSTOY'S NOVELLA "THE DEATH OF IVAN ILYICH"

Research article

Kumar A.[1, *]
[1] ORCID : 0009-0001-5211-8858;
[1] Samara National Research University, Samara, Russian Federation

* Corresponding author (anuragkmonu[at]gmail.com)

Abstract

The article examines how Leo Tolstoy's overcoming of the spiritual crisis was reflected in the novella, which was ideologically and graciously shaped in "religious syncretism", and spiritually and artistically in the depiction of the existential "threshold" situation of death not as a socially ritualised event, but as a co-existence of liberation: the transformation of consciousness in the process of quelling fear, death and suffering. And it is precisely in the light of the synthesis of the Christian understanding of death, Hindu and Buddhist teachings on dukkha (suffering) and moksha (liberation) that the story reveals the Easter character of the resolution of the hero's "third day", and it turns out that for Tolstoy and for the Indian tradition, suffering and death are not a deviation from life, but a "gateway", leading to its transformation and salvation — even in "last breath".

Keywords: Leo Tolstoy, suffering, death, Christianity, Hinduism, Buddhism, transfiguration, liberation.

Введение

В недавней статье «Культурные коды русской литературы и современность» (2024) В.А. Доманский заостряет одну из фундаментальных проблем современного российского самосознания, соотнося ее решение в том числе с усвоением ценностных смыслов русской классической литературы, – это проблема культурных кодов, которые «шифруют» в «конвенциональных знаках» (в данном случае — в слове) и подспудно формируют, выражают и сохраняют в таком «знаковом» виде самобытность нации: «Посредством кода выявляется глубинный уровень понимания смысла, его сокрытое содержание, связывающее человека с миром ценностей, законов, образов и образцов поведения данной культуры» [2, С. 89]. Они, возникая из социально-исторического опыта и закрепляясь в соответствующих знаках, «создают целостный обобщенный образ человеческого мира» [2, С. 89]. Литература как ценностная семиотическая система «является носителем “генетического кода” культуры» [2, С. 90].

Методы и принципы исследования

По культурным кодам узнается цивилизационные возможности нации. Например, если читатель обращает внимание на то слово, каким завершается «Слово о полку Игореве», — на слово «аминь», и ценностно воспринимает его не просто как кодовое, но и как молитвенное слово ангельского чина: да будет так, истинно так, — при этом не переведенное на «свой» язык, а сохраненное в древнееврейской форме, то тем самым читателю должно открыться, как древнерусская культура бережно относится к духовным сакральным смыслам «чужой» культуры (не отброшенным) и задает на века чувство «всемирной отзывчивости», которое впоследствии находит воплощение в творчестве А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, Н.К. Рериха [4], [5], становится основой

исторического [1], залогом всепреодолевающего «братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [3, С. 148]. Для индийской культуры, укорененной в индуистской и буддийской почве, такая «всепримиримость» естественна [7], так как она сакрализованно кодируется священными именами: «…кто знает: “Я есмь Брахман”, тот становятся всем [сущим]. И даже боги не могут помешать ему в этом, ибо он становится их Атманом» [9, С. 75].

Специфичность рассматриваемого явления — «пороговое состояние» перехода от социальной привязанности к перерождению сознания и «освобождению» — обусловила и методы изучения предмета, направленные на выявление его аксиологии, и использование понятий христианства, индуизма и буддизма.

Основные результаты

В поздний период творчества Толстой стремится выработке универсальных представлений о мире и человеке, к духовной практике «быть в чистоте существования», соединяя для достижения этой цели в художественно-религиозном синкретизме христианскую этику, индуистскую метафизику и буддийскую психологию. В полной мере русско-индийский религиозный синтез находит свое воплощение в повести «Смерть Ивана Ильича»: он дает о себе знать в ситуации перехода героя от социальной зависимости, окутывающей его в форме успешности и наслаждений, к «освобождению».

«Синкретичная духовность» в «Смерти Ивана Ильича» в итоге определяет вершинные смыслы повести и выстраивает ее ценностную иерархию. Хотя христианские обряды присутствуют в тексте: похороны, молитвы, священнослужители, — но их описание во многом дань необходимости, есть вторжение обязательной реальности, без которой сцена будет неправдоподобной. Но ее смыслы все равно остаются в зоне социальности, а не духовности. С этой точки зрения религия функционирует скорее как социальный ритуал, чем как источник духовного руководства. Толстого, как известно, в христианстве, как и в других религиях, интересовал не обрядовая сторона, а духовная, общечеловеческая, не ограниченная никакими институциональными рамками.

Последние минуты жизни Ивана Ильича отмечены глубоким сдвигом в сознании — прозрением. Повествование о долгом пребывании героя в мире социальных и семенных иллюзий сменяется «пороговым тридневием» Ивана Ильича, наполненным страданием, которое завершается открытием нового мира: «Как хорошо и как просто… А боль? Ее куда? Ну-ка, где ты, боль? А смерть? Где она? Какая смерть? Страха никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет» [8. С. 113].

Эти риторические вопрошания Ивана Ильича удивительным образом согласуются с такими же вопрошаниями, которые содержатся в Огласительном слове Иоанна Златоуста, звучащем в последней части пасхальной литургии: «Он (Господь — А. К.) взял тело и нашёл в нём Бога; Взял землю и увидел в ней небо; «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» / «Прият тело, и Богу приразися. Прият землю и срете небо. <…> Где твое, смерте, жало? Где твоя, аде, победа? <…> Воскресе Христос, и жизнь жительствует» [6, С. 30].

В православной картине мира смерть — это момент истины, оголение совести, снятие всего наносного и встреча души с самой правдой. Теологическая глубина повести проявляется в контексте иоаннова мистицизма. В Евангелии от Иоанна утверждается: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [Ин. 1:5]. Этот «свет» внутренней истины раскрывается через страдание и столкновение со смертью, освещая подлинную этическую реальность, лежащую вне общественных «декораций».

Крушение рационализма, управляемого социальностью «эго», у Толстого перекликается с буддийским осознанием «майи» — этого обманчивого мира, сотканного из жажды желаний и невежества. Но, в отличие от буддиста, отказывающегося от мира, Толстой стремится его переосмыслить, находясь внутри этого мира. Его вопрос — не как уйти от бытия, а как его освятить. Ответ он находит в простоте переживания смерти, — страдания как благодати и «освобождения», напоминающих одновременно и православную перспективу спасения, и индийский духовный комплекс: индуистскую шраддху — не интеллектуальное согласие, а тихое смирение «я». В индийском культурном сознании этот путь понимается как физический переход через смирение «я» к высшему освобождению (мокша).

Описание смерти Ивана Ильича, осмысленной Толстым в традициях русского православия (если иметь в виду перекличку слов героя об исчезновении смерти, о победе над ней с Огласительным словом Иоанна Златоуста), содержит в себе и индуистско-буддийские представления о смерти и освобождении. В индийской духовной философии ситуация экзистенциального кризиса и нравственного пробуждения осмысливается с акцентом на понятия самсары (страдания), кармы (действия с последствиями) и мокши (освобождения).

Обсуждение

Тем самым Толстой, творя религиозный синтез, создаёт новое духовно-этическое мироотношение к базовым ценностям человеческого существования социального и метафизического порядка. В таком выходе к экзистенциальным пределам человек достигает «царства», но только не эсхатологического обещания, а онтометафизического присутствия, реализуемого через «свет», со-весть, — Божие присутствие. Но Бог в повести Толстого — не внешний, а внутренний, тот, которого в Упанишадах называют «тат твам аси» («ты есть то», «Я есмь», «Поистине, я есмь творение, ибо я сотворил все это») [9, С. 73, 74]. В этом контексте пробуждение героя соответствует упанишадическому «Ахам Брахмасми» («всё во мне, и я во всём», «Я есмь Брахман» [9, С. 75]), помещающему высшую реальность в самосознание: «…он сотворил бессмертных. Поэтому это – высшее творение. Кто знает это, находится в высшем его творении» [9, С. 74]. Для Толстого, как и для буддистов, истинное постижение неотделимо от этического пробуждения: осознание внутреннего Бога требует нравственного преображения, самодисциплины и деятельного сострадания. В этом единстве «я» является и конечным, и бесконечным (смертный <…> сотворил бессмертных» [9, С. 74]); духовное знание становится экзистенциальным долгом, где метафизика и мораль неразделимы.

Заключение

Как видим, толстовский синтез радикален: он переосмысливает христианство через призму восточной внутренней метафизики, а восточную пассивность через евангельскую активность. Но этот синтез совершается посредством страдания — личное, духовное и культурное. Подлинный путь человека проходит через стадии, родственные и христианскому мистицизму, и буддийской философии: неведение, страдание, пробуждение, сострадание, освобождение, спасение. При этом Толстой — не монах и не мистик в традиционном смысле; он осуществитель и пророк синтеза. Его «религиозный синкретизм» — не заимствование идей, а слияние сущностей: он ищет и утверждает не догму, а спасение [10].

Таким образом, повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» может быть названа религией пробуждения – христианской по состраданию, буддийской по отрешённости и ведантской по интуиции божественного внутри. В этом синтезе страдание преображается в благодать, смерть — в освобождение, а вера — в сознание. Духовная революция Толстого заключается именно в этом видении: истина едина, хотя источники её различны; и Царство Божие находится не вне нас — а внутри нас [11].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бердяев Н.А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы / Н.А. Бердяев. — Берлин : Обелиск, 1923. — 270 с.

2. Доманский В.А. Культурные коды русской литературы и современность / В.А. Доманский // Слово. Текст. Контекст. — 2024. — № 4(20). — С. 88–101.

3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : Т. 26 / Ф.М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1984. — 518 с.

4. Карпенко Г.Ю. К вопросу об антропологической иерархии в творчестве Ф.М. Достоевского / Г.Ю. Карпенко // Таинство слова и образа. — Сергиев Посад : Московская духовная академия, 2023. — С. 244–255.

5. Карпенко Г.Ю. Путь с Востока: И.А.Б унин и Н.К. Рерих о единстве человечества (литературно-историософский и антропологический контекст) / Г.Ю. Карпенко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2024. — № 1. — С. 123–134.

6. Златоуст И. Последование во святую и великую неделю Пасхи и во всю светлую седмицу. Пасхальные песнопения обихода московской традиции / И. Златоуст. — Москва : СофтИздат, 2010. — 132 с.

7. Радхакришнан С. Индийская философия : в 2 т. / С. Радхакришнан. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1956–1957.

8. Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений : в 90 т. — Москва : ГИХЛ, 1957. — С. 61–113.

9. Сыркин А.Я. Упанишады : в 3 кн. / пер. с санскр., предисл. и комм. А.Я. Сыркина / А.Я. Сыркин. — Москва : Наука, 1992. — 238 с.

10. Шемон д-Тайбуте Книга благодати. Избранные главы / д-Тайбуте Шемон // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. — 2012. — № 61. — С. 209–213.

11. Эпштейн М.Я. Жизнеутверждающий пессимизм: о книге Екклесиаста / М.Я. Эпштейн // Звезда. — 2011. — № 1. — С. 194–202.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berdyaev N.A. Smisl istorii: Opit filosofii chelovecheskoi sudbi [The meaning of history: The experience of philosophy of human destiny] / N.A. Berdyaev. — Berlin : Obelisk, 1923. — 270 p. [in Russian]

2. Domanskii V.A. Kulturnie kodi russkoi literaturi i sovremennost [Cultural codes of Russian literature and modernity] / V.A. Domanskii // Slovo. Tekst. Kontekst [Word. Text. Context]. — 2024. — № 4(20). — P. 88–101. [in Russian]

3. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii [Complete works] : Vol. 26 / F.M. Dostoevskii. — Leningrad : Nauka, 1984. — 518 p. [in Russian]

4. Karpenko G.Yu. K voprosu ob antropologicheskoi ierarkhii v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [On the issue of anthropological hierarchy in the works of F.M. Dostoevsky] / G.Yu. Karpenko // Tainstvo slova i obraza [The mystery of the word and image]. — Sergiev Posad : Moskovskaya dukhovnaya akademiya, 2023. — P. 244–255. [in Russian]

5. Karpenko G.Yu. Put s Vostoka: I.A. Bunin i N.K. Rerikh o yedinstve chelovechestva (literaturno-istoriosofskii i antropologicheskii kontekst) [The Way from the East: I.A. Bunin and N.K. Roerich on the unity of mankind (literary, historiosophical and anthropological context)] / G.Yu. Karpenko // Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki [Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences]. — 2024. — № 1. — P. 123–134. [in Russian]

6. Zlatoust I. Posledovanie vo svyatuyu i velikuyu nedelyu Paskhi i vo vsyu svetluyu sedmitsu. Paskhalnie pesnopeniya obikhoda moskovskoi traditsii [Following the holy and great week of Easter and throughout Holy Week. Easter hymns of the everyday life of the Moscow tradition] / I. Zlatoust. — Moscow : SoftIzdat, 2010. — 132 p. [in Russian]

7. Radhakrishnan S. Indijskaya filosofiya [Indian philosophy] : In 2 volumes / S. Radhakrishnan. — Moscow : Publishing House of Foreign Literature, 1956–1957. [in Russian]

8. Tolstoy L.N. Smert` Ivana Il`icha [The death of Ivan Ilyich] / L.N. Tolstoy // Polnoe sobranie sochinenij [Complete works] : In 90 vols. — Moscow : GIHL, 1957. — P. 61–113. [in Russian]

9. Sirkin A.Ya. Upanishadi [The Upanishads] : In 3 books / translated from Sanskrit, preface and comm. by A.J. Syrkin / A.Ya. Sirkin. — Moscow : Nauka, 1992. — 238 p. [in Russian]

10. Shemon d-Taibute Kniga blagodati. Izbrannie glavi [The Book of Grace. Selected chapters] / d-Taibute Shemon // Simvol. Zhurnal khristianskoi kulturi, osnovannii Slavyanskoi bibliotekoi v Parizhe [The Journal of Christian Culture, founded by the Slavic Library in Paris]. — 2012. — № 61. — P. 209–213. [in Russian]

11. Epshtein M.Ya. Zhizneutverzhdayushchii pessimizm: o knige Yekklesiasta [Life-affirming pessimism: about the Book of Ecclesiastes] / M.Ya. Epshtein // Zvezda [Star]. — 2011. — № 1. — P. 194–202. [in Russian]